

но четко выраженная жизненная позиция поэта, а с другой стороны — как горячий призыв следовать ей, не ссылаясь и не жалуясь на трудности и неудачи, сомнения и горести, даже «во дни тягостных раздумий о судьбах... родины», не впадая «в отчаяние при виде всего, что совершается дома» (Тургенев). Поэтический обет самого поэта и страстная просьба к читателю выстоять, вытерпеть («Они стоят, молчат; молчи и ты!») из-за повелительных *учись (у них)* и *молчи (и ты)*, обрамляющих эту часть миниатюры, на первый взгляд, звучат как прямой и непреложный приказ (и еще раз себе самому, и всем другим, кто хочет быть настоящим человеком). Однако на самом деле это всего лишь добрый совет и горячая просьба, основанная на большом опыте народа (в это надо верить: «Но верь весне»): лихолетье и безвременье — что бы ни было — сменяются ясными днями созидания и творчества, так же, как жестокая зимняя пора — живительным теплом весны.

Обобщенно-переносное, вселичное значение текста разбираемого стихотворения, как и многих других стихов Фета, обусловлено различными факторами — как содержательного характера, так и связанными с «планом выражения». Начнем с последнего.

Композиционно стихотворение строится удивительно естественно и, если так можно выразиться, поразительно рационально. Двенадцать составляющих его строк семантически связаны в единое целое страстным призывом выстоять и стерпеть настоящее во имя лучшего будущего (с развернутой мотивировкой его справедливости) и твердой верой в то, что, как всякое будущее, оно обязательно будет. По своей структуре миниатюра распадается на две неравные, противопоставленные друг другу части; две строфы приказа выстоять и, не жалуясь, вытерпеть жестокую пору жизни, как это делают наши младшие зеленые братья, с одной стороны, и одна заключительная строфа призыва верить в лучшее: возрождение, тепло и свет, ясные дни новых открытий и свершений, — с другой.

Параллелизм должного поведения (деревья стоят, не сломившись и не

согнувшись: терпят — обязан терпеть и выстоять и ты, венец природы) носит эксплицитно-компаративный характер. В этом отношении как пейзажно-психологическое стихотворение миниатюра Фета строится совсем не так, как, например, лермонтовские «Сосна», «Утес», «Листок», суриковская «Рябина» и т. д., где человеческие отношения и судьбы изображаются автором в развернутых пейзажных картинах символического характера без непосредственных объяснительных сопоставлений.

Фетовское «Учись у них...» с этой точки зрения — как эксплицитная компаративная поэтическая формула — ближе лермонтовским «Солнце», «Челнок», «Волны и люди», «Тучи» («будь как я же») (не «Парус» и «Сосна!»).

Не менее четко — по смыслу — дифференцируется в разных частях стихотворения и художественное, «текстовое» время. В первой части — перед нами настоящее, то, что есть, либо как результат прошлого действия (*застыли слезы, треснула... кора*), либо как еще протекающее действие или наличное состояние (*Кругом зима, Жестокая пора, Все злей метель, рвет, хватает, стоят, молчат*). Отсюда и соответствующие глагольные формы настоящего и прошедшего времени: в первом четверостишии — с двумя номинативными предложениями, за которыми следуют две формы прошедшего времени; во втором — с одним номинативным предложением, за которым следуют четыре глагольные формы настоящего времени.

Во второй части стихотворения перед нами уже будущее, то, что, по твердому убеждению поэта, настанет. Отсюда и соответствующие глагольные формы будущего времени *промчится, переболит*.

Дидактичность, прямое использование языка как средства воздействия ярко проявляются в употреблении поэтом глагольных форм. Формы повелительного наклонения (*учись — молчи — верь*) как ключевые образуют анафорически-рамочную конструкцию (*Учись у них... — Но верь весне...*) всего стихотворения и кольцевое единство первой части (*Учись у них...* как начало и *Молчи и ты* как ее конец).